

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.К. Парамонова

НАДГРОБНОЕ СЛОВО Б. П. ШЕРЕМЕТЕВУ ГАВРИИЛА БУЖИНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Аннотация. Предметом исследования является надгробное слово Гавриила Бужинского на смерть фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева – интересный и малоизученный памятник ораторской прозы первой четверти XVIII века. Погребение Б. П. Шереметева и надгробное слово на его смерть наглядно отражают процесс формирования образа «сына Отечества» в русской общественной мысли начала XVIII века. Этот образ был непосредственно связан с идеей служения государству, которая активно разрабатывалась писателями, ораторами и самим Петром I в этот период. Торжественные похороны фельдмаршала и надгробная речь, наполненная панегирическим и гражданским пафосом, выступают как инструменты создания новой аксиологии общества: воля умершего, завещавшего упокоиться в Киево-Печерской лавре рядом с сыном, отступает перед желанием императора сформировать у подданных новые ценности, заложить основу обряда погребения высших военных чинов. В исследовании применяются сравнительно-исторический и историко-генетический методы, также используется филологический анализ художественного текста. Ораторская проза Гавриила Бужинского мало исследована в отечественном литературоведении, «Слово на погребение фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева» не становилось ранее объектом отдельного анализа, впервые произведение рассматривается в культурном, литературном и социальном контексте эпохи. Надгробное слово Шереметеву Гавриила Бужинского наглядно демонстрирует переходный момент в ораторской прозе XVIII в.: риторическое церковное произведение, созданное проповедником-монахом, наполняется светским содержанием и формирует актуальные политические и общественные идеи.

Ключевые слова: русская литература, XVIII век, риторика, красноречие, надгробное слово, панегирик, Гавриил Бужинский, патриотизм, похороны, церемониал.

Abstract. The subject of the research is the funeral oration said by Gabriel Buzhinsky for the death of the Field Marshal Boris Sheremetyev. It is an interesting and understudied achievement of oratory prose of the first quarter of the XVIIIth century. The funeral of Boris Sheremetyev and the funeral oration devoted to him vividly demonstrate the process of developing the positive image of the 'Country's Son' in the Russian social thought of the early XVIIIth century. The image was directly associated with the idea of the 'service of the country' which was actively developed by writers, orators and Peter the First himself during that time period. Honourable burial of the Field Marshal and funeral oration filled with th eulogistic and civic pathos were tools for creating new axiology of the society: Boris Sheremetyev's will to be buried next to his son's grave in the Kiev Pechersk Lavra was sacrificed for the sake of the imperor's intention to develop new values and to create grounds for funeral rites of military brass. In her research Paramonova has used the comparative historical and historical genetic research methods as well as the philological analysis of literary texts. Gabriel Buzhinsky's oratory prose is understudied in Russian literary studies. Never before The Speech for the Funeral of the Field Marshal Boris Sheremetyev has been a matter of individual analysis, thus this text is being analyzed in terms of the cultural, literary and social environments of that epoch for the first time in the academic literature. The analysis of Gabriel Buzhinsky's Funeral Oration for Boris Sheremetyev demonstrates the break point in the oratory prose of the XVIIIth century. Rhetoric religious text written by a preaching monk served secular purposes and developed actual political and social ideas.

Key words: patriotism, Gabriel Buzhinsky, eulogy, funeral oration, oratory, rhetoric, 18th century, Russian literature, funeral, ceremonial.

В начале XVIII в. в русской общественной мысли разрабатывается идея служения Отечеству во имя общего народного блага, вытеснившая представление о службе лично государю. Активное участие в формировании этой идеи принял сам Петр I, подчинивший ей всю свою деятельность.

Формулирование концепции служения Отечеству и общей пользы происходило с помощью ораторских произведений, публицистических и законодательных сочинений (монарх многократно упоминал государственную пользу в официальных документах).

В публицистике и литературе того времени Петр I изображался первым и главным патриотом России, «именно на примере высказываний и деятельности Петра Великого “отрабатывается” русский вариант патриотизма начала XVIII века» [1, с. 44]. Если Петр I был образцом служения Отечеству и официально носил титул «отца Отечества», то «сыны Отечества» – это сподвижники и соратники императора, трудившиеся на благо страны, – дворяне, за которыми служба государству была закреплена законодательно. В русской общественной мысли этого периода складывается «идеал “кавалера” – героя своего времени, не просто рыцаря, а воина, “сына Отечества”, защитника России» [11, с. 39].

Идея служения родине проявилась в новых ритуалах, церемониях, введенных Петром I, заметно ее влияние также на церемониал похорон, который отличался от древнего большей торжественностью и символичностью.

До конца XVII в. смерть и похороны в русском обществе воспринимались в религиозном контексте. Даже царское погребение не отличалось пышностью и торжественностью: как правило, царь перед смертью принимал монашеский постриг, погребение почившего назначалось в течение нескольких дней, над телом монарха круглосуточно читали Псалтырь, а в день похорон во главе процессии шло духовенство. Смерть была, в первую очередь, встречей с Богом, концом земного пути, а, следовательно, окружена православной обрядностью.

Однако траурный ритуал всегда отражает социальные, культурные и этические воззрения эпохи. Новый торжественный церемониал погребения заслуженных граждан, разработанный Петром I, демонстрирует большое значение, которое монарх придавал культивации образа «сына Отечества».

Большинство изменений похоронного обряда было продумано лично Петром I. Право на новации подобного рода было оговорено Феофаном Прокоповичем в «Правде воли монаршей» (1722): «Может монарх государь законно повелевати народу не

только все, что к знатной пользе отечества своего нужно, но и все, что ему ни понравится, только бы народу не вредно и воли Божией не противно было. <...> Сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях и прочая, и прочая» [10, с. 628]. Новый порядок, образовавшийся в Петровское время, сохранил православный чин, но был выстроен по европейскому образцу и приобрел более светский, торжественный и символический характер.

Первые погребения, ориентированные на правила французского и шведского двора, были организованы Петром I в 1699 г. по случаю похорон адмирала Франца Лефорта и генерала Патрика Гордона. Император разработал для этого случая торжественный обряд с использованием траурной одежды, привлечением большого числа военных, выставлением тела для прощания в «печальном доме».

Ориентация на католические и протестантские погребальные традиции ярко проявилась в использовании рыцарской символики. На похоронах Лефорта присутствовал черный рыцарь «с обнаженным мечом острием вниз, за ним вели двух коней в богатом убранстве и одного коня под черной попоной» [6, с. 74]. Впоследствии образ рыцаря перейдет в похоронный обряд монарших особ, однако значение символа двойится: «Рыцари на императорских похоронах, как бы ни толковать их символику, это некоторая аллегория государственности, рыцарь же на похоронах военачальников, несомненно – персонифицированное достоинство покойного» [9, с. 587].

Произнесение надгробного слова также являлось традиционным в протестантской культуре. Хотя первые образцы ораторских произведений этого жанра появились еще в творчестве Симеона Полоцкого (восемь надгробных слов в «Вечери душевной»), частью погребального обряда они стали только в первой четверти XVIII в. Петр I, склонный перенимать западные, прежде всего, протестантские обычаи, благосклонно относился к подобным заимствованиям.

На похоронах Франца Лефорта надгробное слово на текст из книги Экклезиаста произнес пастор Стумпфиус. Он охарактеризовал Франца Лефорта как «верного раба и служителя» Петра I, а закончил речь словами: «...Солнце жизни его померкло в самый полдень славы, лучи же царской милости провождают его и до могилы... Доступностию наверху почестей, готовностию к ходатайству, безмерною кротостию и постоянным дружелюбием он привлекал к себе сердца всех людей». Речь так понравилась Петру, что он приказал напечатать ее

и позже передал на хранение в Академию наук [6, с. 75]. Следующее надгробное слово было произнесено также иностранцем – Иоанном Берулом на похоронах сподвижника царя шотландца Патрика Гордона (1699).

Потребность в создании надгробного слова могла быть удовлетворена не только иностранными проповедниками, но и отечественными ораторами. Ораторское искусство заняло заметное место в культуре Петровской эпохи, это проявлялось как в наличии разработанной теоретической базы, так и в достаточном количестве талантливых проповедников. Например, Стефан Яворский стал одним из первых православных ораторов, произнесших слово на кончину приближенного Петра – фельдмаршала А. С. Шеина (1700). Это событие не осталось незамеченным, речь произвела на Петра I настолько благоприятное впечатление, что киевлянин был поставлен митрополитом Рязанским и Муромским, а затем местоблюстителем патриаршего престола (16 дек. 1701 г.) и протектором Славяно-греко-латинской академии [8, с. 456].

Показательным для Петровского времени является надгробное слово Гавриила Бужинского на смерть Шереметева Бориса Петровича и сам обряд его погребения, состоявшийся 10 апреля 1719 г. в Александро-Невском монастыре.

Сподвижник Петра I, фельдмаршал Шереметев Б. П. был представителем старомосковского боярства и, несмотря на полное согласие с позицией императора и преданное содействие ему, в делах личного характера проявлял традиционный уклад. В конце жизни, чувствуя, что тяжелая болезнь вероятнее всего закончится смертью, фельдмаршал составил «духовную», в которой распорядился похоронить его в Киево-Печерской Лавре, рядом с могилой, где покоится его сын Михаил [4, с. 87]. Однако его просьбе не было суждено сбыться, после смерти 19 февраля 1719 г., Петр I распорядился перевезти останки фельдмаршала из старой столицы в новую и лично занялся подготовкой торжественных похорон.

Нащокин В. А. в записках, отмечает, что государь со всеми министрами пешком сопровождал тело от двора до Александро-Невского монастыря, «а пред гробом шли два полка лейб-гвардии, Преображенский и Семеновский. И при погребении все убрано было глубоким трауром, и погребен [он] в оном монастыре при отправлении церковной процессии. Окончилось то погребение троекратно пальбою из мелкого ружья» [7, с. 4].

Заметное внимание, которое уделил Петр I этому погребению, демонстрирует, насколько важно было для императора заложить традицию торжественных похорон заслуженных граждан. Могила

Шереметева, расположенная рядом с Благовещенской церковью (местом погребения царской семьи), стала началом русского пантеона (сейчас – «Лазаревская усыпальница»).

Из пометок после текста надгробного слова следует, что оно было произнесено Гавриилом Бужинским в присутствии Петра I, министров, чиновников и семьи покойного.

Речь имеет достаточно большой объем и классическую композицию. Гавриил Бужинский, принадлежащий к «группе ранних русских просветителей этико-гуманистического направления» [2, с. 128], окончил Киево-Могилянскую академию и преподавал в Славяно-греко-латинской академии. Он одновременно обращается к традиционным приемам построения надгробной речи, описанным еще Иоанникием Галатовским, а с другой стороны придает слову заметные современные черты.

Надгробное слово имеет классическую трехчастную структуру (вступление, средняя часть и заключение). Средник слова разделен на две части: в первой проповедник разрабатывает тему страха смерти и решает ее в православном ключе, во второй обращается к личности умершего и создает панегирик, в котором большую часть занимает перечисление военных и дипломатических заслуг. Осведомленность, которую проявляет Гавриил Бужинский, можно объяснить его близостью к военной среде: он являлся обер-иеромонахом флота и участвовал в морских походах.

Текст предвзывает цитата из Первого послания к Коринфянам, гл. 15, ст. 20–21: «Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых» [3, с. 307].

Проповедник начинает произведение с противопоставления недавней радости от праздника Пасхи, когда «песни торжественные и победительные над смертью припевающе» [3, с. 307] и скорби, которую вызывает созерцание тела «великого между великими и мужественного между мужественными воина, войска российского вождя, генерала-фельдмаршала и кавалера». Далее вводится мотив всеильной смерти, которая одинаково входит в «убогие хижины, равно и пресветлые палаты» [3, с. 308], никто не может избежать ее: «езде мертвых полно, везде плачи, везде на смерть стенание» [3, с. 308].

В конце вступительной части Гавриил Бужинский делает оговорку, что «паче бы приличествовало восхвалить и прославить сего мужа преславного, дела и заслуги его в государстве российском и познати, какого блага лишились» [3, с. 308], однако рассказывать о его заслугах также очевидно, как показывать на солнце в полдень.

Далее проповедник переходит к объемной средней части, где продолжает развивать мысль о необъятности страха смерти. При этом не так страшна кончина человека, как посмертный суд над ним, так как нет невинного и безгрешного: «иже аще бы и не хотел согрешати, но самое естество влечет его к сему» [3, с. 312]. В качестве спасения проповедник советует «всегда и беспрестанно, всяк день и час, и всякую черту часа» переживать страх и ужас смерти, так как постоянная память смерти удерживает человека от греховных поступков. Подтверждение мысли об исцеляющей силе «всегдашнего о смерти тщания» [3, с. 314] он находит не только в священном писании, но и у «языческих философов»: Симонида, Платона. Однако далее он вспоминает кончины Сократа, Цицерона, Аристотеля и отзывается о них с презрением: ведь, несмотря на их философское восприятие смерти, только христианская вера может дать «достойное благосмертие» [3, с. 316]. Для верующего «смерть не злое, но всех зол окончание и всех благих начало, не погубление жития, но прехождение к лучшему, прехождение же от трудов ко упоению, от чаяния и ожидания к восприятию мироздания, от подвигов к венцу, от смерти к жизни, от веры к познанию» [3, с. 314–315]; хотя тело человека умирает, но его душа будет с Христом.

Вторая часть средника посвящена непосредственно прославлению Бориса Петровича Шереметева. Вначале, следуя традиции, Гавриил Бужинский упоминает «всякие добродетели христианские» почившего [3, с. 318]. Особенно оратор отмечает «милостыни и деяния монастырям и нищим, украшения храмов божиих благолепные» [3, с. 318]. Образ христианина, который создает проповедник, в данном случае не является условным, например, Шереметев основал по обету Тихвинско-Борисовский женский монастырь и даже был автором его устава [5, с. 63].

Далее Бужинский переходит к перечислению «трудов и подвигов» умершего, предваряемому словами о древности фамилии, которую прославили подвиги прадедов и дедов Бориса Петровича, так что «яко сие название “Шереметев” трепетное и ужасное бяше» [3, с. 318–319]. Подвиги самого почившего фельдмаршала перечисляются в хронологическом порядке, начиная от его службы в должности Белгородского воеводы в 1692 г. Затем упоминается подавление мятежа в Астрахани (1705 г.), столкновение со шведами и отдельно участие в Полтавской битве (1709 г.), где, однако, основная честь отдана «благочестивому монарху» [3, с. 319]. Оратор перечисляет города и территории, присоединенные к России стараниями Шереметева, отмечает его «подвиги мужественные и благоразумные

промыслы» в Прутском походе 1711 г. Завершает этот биографический очерк Гавриил Бужинский сравнением героя с Улиссом, так как он видел многие «грады и обычаи» [3, с. 320] и почести получил не только на родине, но в Риме и «что паче, самой Мальты» [3, с. 321].

Жизнь Шереметева предстает чередой военных подвигов и дипломатических побед. Гавриил Бужинский создает образ отважного воина и неутомимого труженика: «не отре от лица своего прах марсов, еще пушечные громы в ушесех шумети не престали, не даде се сна очесама своими, но абие на преславне обратися дела» [3, с. 320]. Проповедник вносит дидактический момент в слово, указывая жизнь почившего как образец для подражания «прочим российским кавалерам» [3, с. 318].

Часть средника, посвященная биографии Шереметева, наполнена панегирическим и гражданским пафосом. Основные эпитеты, которые употребляет автор по отношению к почившему – «благородный», «мужественный», «честный», «славный». Отдельно подчеркивается принадлежность умершего к Мальтийскому ордену, что еще раз демонстрирует, какое большое значение предавалось рыцарскому образу в Петровское время.

В финальной части надгробного слова проповедник традиционно обращался к семье почившего со словами утешения, Гавриил Бужинский оставляет этот прием, но вызывает к «державе Российской», он соболезнует ей, ведь она лишилась «верного слуги и храброго защитника» [3, с. 321]. «Богохраняемая Российская держава» персонифицируется в заключительной части и наравне с живыми людьми, принимавшими участие в погребении, принимает и отдает умершему фельдмаршалу «последнее целование».

Торжественные похороны становятся завершающим аккордом в жизни сына Отечества: благодарная родина провожает своего сына пышным образом и отдает ему последнюю честь, а надгробное слово перечисляет его заслуги и формирует славный образ в глазах потомков.

Надгробное слово Шереметеву наглядно демонстрирует переходный момент в ораторской прозе XVIII в.: риторическое церковное произведение, созданное проповедником-монахом, наполняется светским содержанием и формирует актуальные политические и общественные идеи. В надгробном слове Гавриила Бужинского присутствует четкое деление на проповедь и панегирик: первое – это дань традиции, а второе – требование времени. Оратор талантливо соединяет эти два влияния, уделяя достаточное внимание, как христианскому аспекту смерти, так и созданию героического образа умершего. Следующим этапом

развития ораторской прозы станет окончательный отказ от схоластических влияний и художественная самостоятельность, которые отличают ораторские произведения Феофана Прокоповича.

История погребения Бориса Петровича Шереметева прекрасно отражает дух эпохи: Петр I использует всякую возможность для того, чтобы сформировать обряд и сконструировать новую аксиологию общества: воля умершего, руководствовавшегося семейными и православными кате-

гориями, отступает перед желанием императора сформировать у подданных новые ценности. Петр конструирует дворянскую элиту, российское «рыцарское сословие», для которого служение родине является наивысшей ценностью. Следование долгу перед страной и монархом, последовательное выполнение своих обязанностей как «сына Отечества» приносит в итоге непреходящую славу, которая остается с человеком и после смерти, «во век века» [3, с. 318].

Список литературы:

1. Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М.: ИРИ, 1994. С. 38-58.
2. Бегунов Ю.К. Гавриил Бужинский // Словарь русских писателей XVIII века. Вып 1. (А-И). Л.: Наука, 1988. С. 128-129.
3. Бужинский Гавриил. Слово на погребение сиятельного господина Бориса Петровича Шереметева // Проповеди. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1901. С. 307-321.
4. Духовное завещание генерала-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева // Русский архив. 1875. № 1. С. 86-90.
5. Кочетов Д.Б. Борисовский в честь Тихвинской иконы Божией матери женский монастырь // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2003. Т. 6: Бондаренко-Варфоломей Эдесский. С. 62-64.
6. Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. 269 с.
7. Нащокин В.А. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1842. 385 с.
8. Николаев С.И. Стефан Яворский // Словарь русских писателей XVIII века. Вып 3. (Р-Я). СПб.: Наука, 2010. С. 456-458.
9. Николаев С.И. Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // Из истории русской литературы. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. III. (XVII-начало XVIII века). С. 584-592.
10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т.7. 925 с.
11. Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII-начала XVIII века // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 1. М., 1989. С. 28-43

References (transliterated):

1. Ageeva O.G. K voprosu o patrioticheskom soznanii v Rossii pervoi chetverti XVIII veka // Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.). M.: IRI, 1994. S. 38-58.
2. Begunov Yu.K. Gavriil Buzhinskii // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Vyp 1. (A-I). L.: Nauka, 1988. S. 128-129.
3. Buzhinskii Gavriil. Slovo na pogrebenie siyatel'neishego gospodina Borisa Petrovicha Sheremeteva // Propovedi. Yur'ev: Tipografiya K. Matissena, 1901. S. 307-321.
4. Dukhovnoe zaveshchanie generala-fel'dmarshala, grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva // Russkii arkhiv. 1875. № 1. S. 86-90.
5. Kochetov D.B. Borisovskii v chest' Tikhvinskoi ikony Bozhiei materi zhenskii monastyr' // Pravoslavnaya entsiklopediya / pod obshch. red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. M.: Tserkovno-nauch. tsentr «Pravoslavnaya entsikl.», 2003. T. 6: Bondarenko-Varfolomei Edesskii. S. 62-64.
6. Logunova M.O. Pechal'nye ritualy imperatorskoi Rossii. M.: Tsentrpoligraf, 2011. 269 s.
7. Nashchokin V.A. Zapiski Vasiliya Aleksandrovicha Nashchokina. SPb.: v tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1842. 385 s.
8. Nikolaev S.I. Stefan Yavorskii // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Vyp 3. (R-Ya). SPb.: Nauka, 2010. S. 456-458.
9. Nikolaev S.I. Rytsarskaya ideya v pokhoronnom obryade petrovskoi epokhi // Iz istorii russkoi literatury. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. T. III. (XVII-nachalo XVIII veka). S. 584-592.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. SPb.: Pechatano v tipografii II Otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. T.7. 925 s.
11. Chernaya L.A. Ot idei «sluzheniya gosudaryu» k idее «sluzheniya Otechestvu» v russkoi obshchestvennoi mysli vtoroi poloviny XVII-nachala XVIII veka // Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii. Vyp. 1. M., 1989. S. 28-43